

Алан Барнс сделает всё для своей семьи. Всё что угодно, если это принесёт им безопасность и счастье. Для его любимой жены, двух его маленьких девочек, он сделает что угодно.

Он думал, что знал, что это значит, как, вероятно, и многие отцы. Он думал, что у него есть представление, что представляет собой что угодно. Он предполагал с уверенностью, которую мог испытывать только невежественный дурак, что он понимает обещание, заключенное в этих словах.

Любой отец должен понимать, не так ли? Понимать, что воспитание беспомощного младенца в полноценное человеческое существо может повлечь за собой испытания и тяготы? Понимать, что однажды ему, понадобится поставить своей маленькой девочке брекеты, возить на ночевку к подруге, научить водить машину, купить ей баночку мороженого после тяжелого расставания (хотя, естественно, ни один мальчик никогда не будет достаточно хорош), даже, иногда улыбаться, терпеть и быть любезным с людьми, которых терпеть не может, просто потому, что их дети чудесным образом ладили.

Худшее, чего мог ожидать любой отец - это необходимость вытаскивать свою дочь из полицейского участка, вносить за неё залог, когда одна из её подруг затащила на вечеринку, где глупые, безответственные родители какого-то идиота оставили незапертым шкафчик с выпивкой. Алан Барнс не настолько наивен, чтобы забыть, каково это - быть подростком, на что способны подростки, когда думают, что их родители никогда не узнают.

Алан всегда предполагал, что это будет самое худшее, что когда-либо случится с его девочками, самое большое, что может случиться. Как и все отцы, он боялся более страшного — что Энн или Эмма подсядут на наркотики, что какой-нибудь похотливый подросток просто не примет отказа, что произойдет ужасная автокатастрофа, когда они в первый раз отправятся одни, и всё внезапно закончится похоронами одной или даже обоих из его дочерей...

После смерти Аннет Эберт последняя вероятность, в частности, фигурировала в его ночных кошмарах чаще, чем ему хотелось бы.

Но это тайные страхи, мучившие всех отцов, и, когда он бодрствовал, он мог развеять их и утешить мыслью: нет, такого рода вещи случались нечасто, и у него нет причин ожидать, что они произойдут, так что нет причин нервничать из-за этого. То, что горстка детей погибла из-за того, что они переписывались и вели машину одновременно, недостаточно веская причина, чтобы отобрать у Эммы телефон - тем более, что Эмме еще не исполнилось и шестнадцати, и она всё равно не могла водить машину легально.

Затем, два года назад, Алан столкнулся с тем, что значит всё что угодно, как далеко это может зайти, и был вынужден осознать, что даже что угодно не всегда бывает достаточно.

Какая польза от всех денег перед лицом того насилия, той неприкрытой злобы? Они, конечно, не принесли бы им пощады от тех головорезов. Они бы взяли всё, что хотели, а потом сделали бы с ним и с Эммой всё, что хотели, и предложение большего количества денег ничего бы не изменило.

Что толку в его мастерстве юриста перед лицом тех, кто попирает закон? В тот момент, в той ситуации, как бы это защитило его или его малыша? Как будто они отступились бы просто потому, что он пригрозит подать в суд. Они предложили бы ему единственное, чего заслуживала бы такая попытка: открытый, издевательский смех. Это бы их не остановило.

(Кроме того, он лишь адвокат по бракоразводным процессам; даже если подобные угрозы срабатывали, он не прокурор по уголовным делам и не имел власти доводить угрозы до конца.)

Что хорошего в его любви и преданности, если ни того, ни другого не достаточно, чтобы защитить его детей от какого-то панка с пистолетом? Это, конечно, не спасло бы Эмму от увечий, которые ей угрожали в тот день.

В такие моменты Алан чувствовал себя как никогда беспомощным.

Рука на его плече вывела Алана из задумчивости. Когда он повернулся и посмотрел в ту сторону, то увидел свою жену Зою, перегнувшуюся через спинку его стула. Она слегка улыбнулась.

- Привет, тебе.

Алан одарил ее своей собственной улыбкой, но его сердце было не на месте.

- И тебе привет.

Ее другая рука опустилась вниз, и мягко, с любовью, начала медленно поглаживать его плечи.

- Все в порядке? - тихо спросила она, щекоча дыханием его ухо. - У тебя был такой вид, словно тебя что-то беспокоило.

- Нет, - был его немедленный ответ. Но через мгновение, как будто массирующие его руки вытягивали правду, он неохотно признал: - Да.

Руки остановились, и Зоя обошла его кресло, чтобы перенести свой вес на верхнюю часть крепкой ручки. Одна рука осталась на его противоположном плече, одна тонкая рука обвилась вокруг него, предлагая поддержку и любовь, а другая скользнула вниз, легким, как перышко, прикосновением по его коже, и вплела свои пальцы в его.

- И?

- Просто... задумался, - сказал он ей. - Беспокоюсь. Насчет Эммы.

Подушечка большого пальца, выводившая успокаивающие круги по его плечу, на мгновение остановилась, затем начала снова, немного тверже, чем раньше.

- Ты имеешь в виду, как она это приняла.

- Да, - сказал Алан.

Разразилась новость о смерти Теневого Сталкера. Алан предположил, что система уголовного правосудия, а это СКП и Протекторат, вероятно, хотели бы сохранить это в тайне, возможно, даже замять дело и спокойно разобраться с проблемой самостоятельно. Однако в Интернете, судя по тому, что ему удалось собрать, было своё мнение.

- ГРЯЗНАЯ ИГРА В БРОКТОН-БЕЙ? - так начинался выпуск вечерних новостей в среду. - МЕСТНЫЙ СТРАЖ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В СПАЛЬНОМ РАЙОНЕ - такими были заголовки газет, вышедших в четверг, на первой полосе. В последующие дни повсюду поднялся шум предположений и безумных теорий, и все пытались разобраться, что произошло и как.

Однако еще до этого по офису ходили слухи. Тихий шепот распространялся во время обеденных перерывов. Поначалу Алан ничему из этого не поверил, потому что всегда ходили подобные разговоры о кейпах и их дерзких выходках, о том, кто с кем из кейпов тайно состоял в отношениях. Не было причин верить этому так же, как не было причин верить, что

Бесстрашный и Мисс Ополчение состоят в тайных незаконных отношениях.

Так было до тех пор, пока Эмма не вернулась домой с покрасневшими глазами и пустым лицом, выглядевшая так, словно кто-то выбил мир у нее из-под ног.

Всё что угодно. Вот только что это значило, когда он понятия не имел, что ему следует делать?

- Я говорила тебе, что эта девушка плохая компания, - сказала Зои.

Алан вздохнул.

- Зои, пожалуйста, не сейчас.

- Говорила! - сказала она, отстраняясь от него. - Я говорила тебе, я говорила тебе, что она угробит себя или сделает что-нибудь глупое и утянет Эмму за собой. Нам не следовало впускать её в свой дом...

- Ну, а что я должен был сделать? - нетерпеливо рявкнул Алан. - Эмма даже не выходила из своей комнаты, пока София не вывела её из оцепенения! Только благодаря этой девушке Эмма снова начала улыбаться...

- И заплатили за это, позволив нашей дочери общаться с жестоким преступником! - возразила Зои. - Вместо этого нам стоило назначить ей терапию, это, безусловно, было бы лучше, чем позволить ей таскаться с этой бандиткой!

- А я тогда сказал, что не собираюсь заставлять ее никуда идти! Если она не хочет идти на терапию, я не собираюсь тащить её туда через силу!

Это был спор, который уже несколько раз разгорался в прошлом.

<http://tl.rulate.ru/book/85742/3193434>